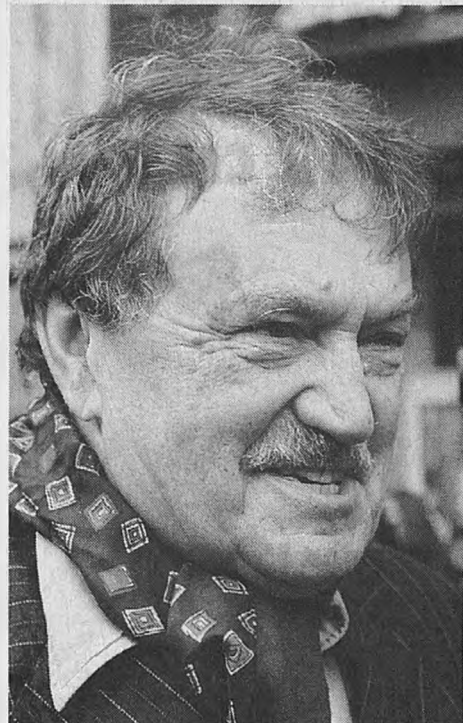

КНИЖНАЯ ЛАВКА

ЧИТАЛКА

Эту книгу читать очень странно — особенно тем, кто имеет понятие о политической и литературной ситуации Москвы 50-х. Это fiction в прямом смысле слова, выдумка, фантазии до того нереальные, что оторопь берет. Впрочем, в этом и фишка.

КВА-КВА, МОСКВА

Новый роман Аксенова вызывает много вопросов

Роман “Москва Ква-Ква” — понятно, о Москве. О монументальных высотках. О стилягах 50-х гг. Конечно, о Сталине. И конечно, о любви. Увесистый том в 450 стр., в котором можно обнаружить стихи, цитаты из песен, миф о Тезее и нить Ариадны. А также Гитлера в подводной лодке, любимый коньяк Сталина “Греми”, чемоданы советских рублей, таинства Первояма...

Глика Новотканная — очаровательная студентка, этакая советская весталка — в начале романа хочет сохранить девственность. Автор ей такой возможности, конечно, не оставляет, к тому же Глика кокетлива и сластолюбива совсем не по-советски. Она дочь Ариадны (женщины-вамп) и Ксаверия (секретного физика), людей из самого высшего слоя общества. Им-то и принадлежит шикарная квартира в советском небоскребе. Поэт, “воитель всех советских войн” Кирилл Смелчаков, герой, 37-летний красавец. Жорж Моккинаки, летчик, полярик, тоже герой и тоже красавец. При трепетных отношениях с поэтом отдается она все-таки летчику. Причем в самолете, когда тот повез ее “побродить” по Абхазии. И все получается по взмаху руки, и нет в романе тяжелой послевоенной жизни и настоящей “советчины”, которая знакома многим ныне живущим. А все почему? Да потому что товарищ Сталин звонит по ночам Смелчакову как своему доверенному лицу, виртуально чокается с ним коньяком “Греми”, которого у Смелчакова теперь навалом, и вообще ведет себя очень странно. Последние годы жизни, знаете ли.

Очень забавно читать любовные сцены — скажем, первый интим Кирилла и Глики. “И тут она, словно стараясь предотвратить неизбежное терзание цветка, взяла в рот всю его статуютку и вскоре заполнилась ее содержимым. Вот это да, ну и ну!” Много исторических сюрпризов — например, Ариадна, чудо советской разведки, стала любовницей Гитлера, смогла его усыпить и вывезти в Москву. А потом, после аккуратных допросов и долгих консультаций с союзниками, его вернули на прежнее место. Невероятно, но факт — читайте и увидите.

“Но главная баба — это все-таки Москва Ква-Ква. Стоит, развесив цветные юбки. Красит гриву свою на Ленгорах, рыжеет, лиловет, законеячивается. Вдруг среди теплых еще струй ниткой невидимого серебра пронесится норди-

ческое воспоминание”. У Есенина есть очень похожее стихотворение: “Осень, рыжая кобыла, чешет гриву...” Но это так, по ассоциации.

Но при всех замечательностях роман очень выглажен, такая красавица и гладкость бывает только в литературе, в жизни куда больше нерва. Как ни странно, редкие “нехорошие” словечки только подчеркивают эту гладкость. Имена как раз такие, какие дают героям романов. И множество неправды в этих людях. Книга оставляет после себя полное равнодушие. Глубокое и искреннее удивление, даже недоумение. Все очень красиво и интересно, но — не больно, не по-живому. Правда, как говорит сам Василий Павлович: “It’s just a book!”. Шедевром современной литературы “Кву-Кву” точно не назовешь, но наше полчище литературных “звезд” и “звездочек” Аксенов оставил далеко позади.

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ “МК”

— Василий Павлович, когда и как долго писался роман?

— Я долго размышлял: начинать не начинать. А потом взялся, сел — и здорово пошло, за 8 месяцев.

— Ваш роман — исторический?

— Он не исторический, но все эти невероятные истории базируются на городских мифах, разговорах, слухах. Например, история о том, как Дондерон прыгнул с высоты, — говорили, что это эзек с МГУ прыгнул и улетел за зону. Подводная лодка — тоже миф, как будто она была на случай эвакуации.

— В романе часто встречается слово “стиляга”. Как вы полагаете, для нас это словосимвол?

— С 49-го мелькает это слово. Оно заменяло свинг — свинговые ребята: джазмены, буги-вуги — то есть стильные. Все население никакого стиля не придерживалось, ходило в чем Бог послал. А эти выпендривались. Это было первое молодежное движение.

— Василий Павлович, в Смелчакове сразу виден Константин Симонов. Это он или не он?

— Я пишу о поколениях, которое старше меня лет на 10, прошедшее войну. Это Юрий Левитанский, Овидий Горчаков — это такой образ агента, спецназовца. А Смелчаков фактурно ближе Симонову, но это не он.

— Москва современная сильно отличается от Москвы 50-х?

— Конечно. Нынешняя Москва — круглосуточная, незасыпающая, бары, клубы, автомобили, реклама. Это непохоже на то, что было тогда. То был город военной крепости.

ПРОЦЕСС

Чеховеды бывают разные. Бывают бодротатые дяди и занудные тети. А бывает Майя Волчкевич — молодая, стильная, яркая личность. Интересное исследование “Чайки” Чехова — ее рук дело. Она называет пьесу “Комедией заблуждений” и рассуждает о судьбе чеховских героев как о живых людях, которые где-то тут, рядом с нами. Загадка пьесы о Мировой душе, тонкости отношений Аркадиной и Тригорина, почему, наконец, “Чайка” — комедия?

“Многоженство. Советы и комментарии” Галины Бабич появилось в издательстве, которое недавно выпустило “Любовь и секс в исламе”. Много споров вызывает и та и другая книга. Что мы знаем о многоженстве? Автор общалась со многими многоженцами в Москве и по регионам. Оказывается, “главная” жена — это миф, все жены в гареме равноправны и свободны. Если внимательно изучить Библию — в Новом Завете нет ни единого стиха, который запрещал бы полигамию. Зато советское правительство в мусульманских республиках многоженство запретило. Только мужчинам Туркменистана было позволено иметь до 4 жен, и то при наличии кучи справок и документов.

“Большая цензура. Писатели и журналисты в стране советов. 1917—1956 гг.”

— сборник документов, писем, постановлений — короче, самая стыдная часть нашей истории. Как унижались писатели перед главным Цензором, сколько работников редакции арестовано за случайную опечатку в краевой газете. Первые документы, которые подписал Сталин: “К войскам, обороняющим Петроград. Семьи всех перешедших на сторону белых немедленно будут арестовываться. Семьи всех командиров, изменивших делу рабочих и крестьян, берутся в качестве заложников”. Или Сталин об аресте Мандельштама: “Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразия...”

Подготовила Вера КОПЫЛОВА.